

УДК/UDC 81:1

DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-118-123>

EDN: SRMJWT

Научная статья / Original article

ФРИДРИХ ВАЙСМАН (1896–1959): СТРАНСТВУЮЩИЙ ФИЛОСОФ

В. В. Оглезнев

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

ogleznev82@mail.ru

Статья посвящена переоценке места Фридриха Вайсмана в истории аналитической философии XX в. Показывается, что устойчивая репутация Вайсмана лишь как популяризатора идей Витгенштейна не позволяет рассматривать его как самостоятельного мыслителя, сыгравшего заметную роль не только в истории Венского кружка, но и в формировании оксфордской философии обыденного языка.

Особое внимание уделяется оксфордскому периоду его творчества, в котором две ключевые идеи Вайсмана — 'открытая текстура' и 'языковые слои' — окончательно оформляются в теорию многоуровневой структуры языка. Рассматривается значение тезиса об открытой текстуре как одного из оснований лингвистического антиредукционизма Вайсмана и прослеживается его дальнейшее влияние на аналитическую философию права и когнитивную психологию. Анализ концепции языковых слоев позволяет показать, каким образом Вайсман приходит к представлению о различии логик, способов верификации и смыслов истины в разных концептуальных областях. Отдельно подчеркивается значение его англоязычных текстов оксфордского периода, в которых теоретическая оригинальность сочетается с особой манерой философского письма.

В итоге Вайсман предстает как оригинальный философ языка, чье интеллектуальное наследие заслуживает более точной историко-философской оценки.

Ключевые слова: Фридрих Вайсман, аналитическая философия, открытая текстура, языковые слои, многоуровневая структура языка, лингвистический антиредукционизм

Для цитирования: Оглезнев В. В. Фридрих Вайсман (1896–1959): странствующий философ. Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2026. Т. 11, № 2. С. 118–123. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-118-123>. EDN: SRMJWT.

© Оглезнев В. В., 2026
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

FRIEDRICH WAISMANN (1896–1959): WANDERING PHILOSOPHER

V. V. Ogleznev

National Research Tomsk State University, Lenina Ave., 36, Tomsk, 634050, Russia

ogleznev82@mail.ru

The article proposes the reassessment of Friedrich Waismann's place in the history of twentieth-century analytic philosophy. It argues that his long-standing reputation as a mere expositor of Wittgenstein's ideas has obscured his role as an independent thinker who made an important contribution to the Vienna Circle and to the emergence of Oxford ordinary language philosophy.

Special emphasis is placed on the Oxford period of his work, in which Waismann's two key ideas — 'open texture' and 'language strata' — take final shape in his theory of many-level structure of language. The paper examines the notion of open texture as one of the foundations of Waismann's linguistic anti-

reductionism and traces its later influence on analytic jurisprudence and cognitive psychology. It also analyses his conception of language strata in order to show how Waismann reached the view that different conceptual domains involve different logics, standards of verification and senses of truth. Special attention is also paid to his English-language writings of the Oxford period, where theoretical originality is combined with a distinctive philosophical style.

Thus, the article presents Waismann as an original philosopher of language, whose legacy calls for a more precise historical and systematic assessment.

Keywords: Friedrich Waismann, analytic philosophy, open texture, language strata, many-level structure of language, linguistic anti-reductionism

For citation: Ogleznev V. V. Friedrich Waismann (1896–1959): Wandering philosopher. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026;11(2):118–123. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-118-123>. EDN: SRMJWT. (In Russ.).

© Ogleznev V. V., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Фридрих Вайсман остается, пожалуй, одной из наиболее незаслуженно обделенных вниманием фигур не только среди представителей Венского кружка, но и в аналитической традиции в целом. Оценка его вклада в развитие аналитической философии XX в. до сих пор остается недостаточно проясненной и во многом неоднозначной. Такое положение дел трудно признать удовлетворительным как с точки зрения истории философии, так и с точки зрения генеалогии самой аналитической традиции. Между тем Вайсман сыграл существенную роль не только в формировании Венского кружка, организации его работы и содержательно-го наполнения его заседаний, но и в распространении и популяризации его ключевых идей. Поэтому 130-летие со дня рождения этого неординарного австрийского философа — уместный повод воздать должное его интеллектуальному наследию и вновь поставить вопрос о подлинном месте Вайсмана в истории философии XX в.

Одной из причин такой недооценки является то, что отношение к Вайсману во многом определяется его репутацией популяризатора идей Людвига Витгенштейна, прежде всего связанных с изменением образа языка, где картина однозначного соответствия формального языка, сконструированного согласно принятой онтологии, меняется на анализ языка в практике его употребления. И хотя имя Вайсмана нередко упоминается рядом с именами Витгенштейна и Шлика, ему почти всегда отводится роль второго плана, которая сводится, как выразился Энтони Куинтон, к роли 'человека-блокнота' (*human notebook*) [1, р. x] или, по словам Брайана Макгиннесса, 'секретаря' (*amanuensis*) [2, р. 10] Шлика и Витгенштейна. В результате создается впечатление, будто перед нами не самостоятельный мыслитель, развивающий собственную философскую систему, а человек, зависимый от расположения и влияния своих более именитых коллег. И это впечатление не вполне обманчиво. Вайсман действительно долгое время оставался в тени других представителей Венского кружка то ли из-за своей «склонности к восхищению авторитетами» [2, р. 9], на что прямо указывает Макгиннесс, то ли из-за своей «врожденной отрешенности» [3, р. 308], о которой говорит Стюарт Гэмпшир. Как бы то ни было, его вполне заслуженное место в своеобразном пантеоне аналитической философии оставалось незанятым до тех пор, пока в 1940 г. он не переехал в Оксфорд.

После смерти Шлика в 1936 г. и под давлением политических обстоятельств Вайсман принял решение покинуть Венский университет и искать работу за пределами Австрии. Осенью 1937 г. он получил приглашение прочитать курс лекций в Кембридже. Это приглашение, возможно, было косвенно связано с тем, что Витгенштейн к тому времени покинул Кембридж, а освободившиеся средства университета решил предложить Вайсману [2, р. 12]. Но по разным причинам дела в Кембридже у Вайсмана не пошли, и поэтому многие друзья и коллеги настойчиво советовали ему перебраться в Оксфорд, где его перспективы казались более благоприятными. Так он в итоге и сделал. В осеннем семестре 1939 г. ему представилась возможность прочитать там курс лекций; тогда же он получил гранты от оксфордских колледжей *All Souls* и *Magdalen*. И в феврале 1940 г. Вайсман окончательно обосновался в Оксфорде, где будет жить до конца своих дней. Однако и здесь начало не задалось. Будучи отнесенным к категории 'подданных вражеского государства' (*enemy aliens*), 22 июля 1940 г. он был интернирован в Пейгнтоне (Девон) — в одном из лагерей для иностранцев, временно созданных британским правительством в начале Второй мировой войны, где провел почти два с половиной месяца. На протяжении последующих пяти лет Вайсман едва сводил концы с концами, получая лишь крайне скромные средства как беженец — от *Society for the Protection of Science and Learning* и *Society of Refugee Scholars*. Удержаться на плаву помогали анонимные пожертвования коллег и друзей, а также временная преподавательская должность, которую удавалось финансировать за счет средств, высвободившихся после смерти Робина Джорджа Колингвуда, занимавшего в Оксфорде должность профессора метафизической философии до 9 января 1943 г., и за счет зарплаты Гилберта Райла на время его военной службы (1940–1945). В 1945 г. Вайсман все же получил должность университетского лектора (*lector*) по философии математики, в 1950 г. — должность старшего преподавателя (*reader*), а в 1955 г. — старшего преподавателя по философии науки.

Талант Вайсмана как самостоятельного ученого и блестящего преподавателя в полной мере раскрылся именно в Оксфорде. Его лекции и доклады, по свидетельствам коллег и студентов, пользовались большой популярностью, отличаясь строгостью аргументации и утонченным стилем изложения, и по-

степенно превратились в источник постоянного интеллектуального вдохновения. И хотя 'философия обыденного языка' в Оксфорде прочно ассоциировалась с именами Джона Остина и Гилберта Райла, переход к ней от логического эмпиризма произошел не без участия Вайсмана [4, р. ххii]. В частности, он заметно повлиял на Стюарта Гэмпира и Герберта Харта — представителей, так сказать, 'второго поколения' оксфордских философов обыденного языка. Таким образом, подобно Витгенштейну, он оказался причастен к обоим главным направлениям аналитической философии середины XX века. В знак признания его поздних работ и вклада в развитие науки в июле 1955 г. Вайсман был избран членом Британской академии.

И хотя при жизни он опубликовал сравнительно немного, основные (если можно так выразиться) его работы были опубликованы посмертно. Окончательный текст *Logik, Sprache, Philosophie*, уничтоженный во время бомбежки голландского издательства *van Stockum and Zoon*, был восстановлен по ранним черновикам и опубликован лишь в 1976 г. Английский перевод, гранки которого Вайсман сам тщательно правил с 1939 г., появился в 1965 г. под названием *The Principles of Linguistic Philosophy* [5]. «Оба издания, — пишет Гордон Бейкер, — почти не вызвали интереса в Англии: в лучшем случае их воспринимали как интерпретацию *Философских исследований* Витгенштейна, а в худшем — как присвоение или плагиат его идей» [4, р. ххii]. Книга *Lectures on the Philosophy of Mathematics* [6] была восстановлена в 1982 г. по его конспектам и рукописям при подготовке к лекциям в Оксфорде 1950-х гг.. Wille und Motiv вышла в 1988 г. (английский перевод *Will and Motive* — в 1994 г. [7]). В 2011 г. под редакцией Брайана Макгиннеса были опубликованы несколько рукописей (на английском) Вайсмана о причинности [8, 9]. В 1968 г. под редакцией Рома Харрэ был опубликован сборник статей Вайсмана *How I See Philosophy* [10], а в 1977 г. под редакцией Брайана Макгиннеса — сборник *Philosophical Papers* [11].

Именно оксфордский период (1940–1959) стал для Вайсмана наиболее плодотворным. И хотя он, возможно, до конца своих дней в известном смысле оставался витгенштейнианцем, особенно важно то, каким образом он перерабатывал и переосмыслил идеи, источником которых была философия Витгенштейна, и которые, в конечном счете, оформились в его собственную философско-лингвистическую концепцию — теорию многоуровневых языковых структур. Вот почему, по справедливому замечанию Куинтона, «Вайсмана нельзя считать лишь временным и удобным посредником между Витгенштейном и читающей философской аудиторией» [1, р. хii]. Примечательно, что в основании концепции Вайсмана, над развитием которой он работал начиная с 1940-х гг., лежат его собственные идеи, прежде всего 'открытая текстура' (*open texture*) естественного языка и 'языковые слои' (*language strata*, или *Satzsysteme*, как он их называл). Именно они объединяют его англоязычные тексты, написанные в последние двадцать лет жизни. Поэтому стоит ненадолго на них остановиться.

Изначально тезис об 'открытой текстуре'¹ эмпирических понятий был сформулирован Вайсманом как контраргумент против феноменалистской программы сведения высказываний о материальных объектах к высказываниям о чувственно данных, и шире — против верификационизма как такового.

Неудовлетворенность методом верификации, который понимался и как критерий фактической истинности, и как критерий научной осмысленности высказываний, то есть предполагал сводимость значения высказывания к способу его эмпирической проверки, привела Вайсмана к важному выводу, что «неполнота верификации коренится в неполноте определения используемых понятий, а неполнота определения — в неполноте эмпирического описания» [12, р. 126]. Иными словами, невозможность дать исчерпывающее определение используемым понятиям, а значит, и заранее описать все ситуации их корректного применения, объясняется тем, что сами эти понятия обладают открытой текстурой. В этом смысле тезис об 'открытой текстуре' становится одним из ключевых оснований его лингвистического антиредукционизма [13].

Хотя анализ Вайсмана был направлен преимущественно на эмпирические понятия, эпистемологический потенциал этой идеи вскоре обнаружился и за пределами физикалистского дискурса — прежде всего в аналитической философии права и когнитивной психологии. Благодаря Герберту Харту, распространившему идею открытой текстуры на юридический язык, она получила вторую жизнь и прочно закрепилась в качестве одного из методологических принципов анализа правовых понятий [13, с. 112]. Со временем концепция открытой текстуры правовых понятий оказалась настолько продуктивной, что стала самостоятельным предметом исследования и получила новые, порой весьма далекие от исходного вайсмановского понимания, интерпретации. В частности, есть основания полагать, что хартовская трактовка открытой текстуры повлияла на формирование теории семантических прототипов, разрабатывавшейся когнитивным психологом Элеонорой Рош [14] в 1970-х г., где центральное место занимает понятие 'прототипа', понимаемого как наиболее репрезентативного элемента категории, концентрирующего в себе ее типичные признаки. И здесь ключевым становится сходство как используемой терминологии, так и разделяемых методологических установок. Харт, анализируя неопределенность значения правовых понятий, выделял его ядерный и полутеневой элементы (*core meaning* и *penumbral meaning* соответственно), тогда как в теории семантических прототипов используется такие близкие по смыслу выражения, как центральное значение (*central meaning*) понятия и его периферийное значение (*peripheral meaning*). Обе теории, кроме того, разделяют восходящий к Витгенштейну и Вайсману взгляд на нескрываемость и размытость границ понятий, на непрерывность и контингентность в определении вещей и их именовании, что в обоих случаях делает проблему неопределенности неизбежной [15].

Второй идеей, которой Вайсман был увлечен в оксфордский период, была идея 'языковых слоев'. Он разрабатывал концепцию языка, который можно как бы 'разложить на уровни': «Язык кажется разделенным на слои провалами, через которые мы можем перепрыгнуть, но через которые мы не можем навести мосты с помощью логических процедур» [16, с. 229].

Согласно Вайсману, каждый языковой слой обладает собственной логикой [17, р. 110–111]: высказывания могут быть истинными в разных смыслах, верифицироваться в разных смыслах, быть полными или неполными в разных смыслах; более того, сама логика способна изменяться вме-

сте с типом высказывания. Это предполагает объединение в одном слое всех тех высказываний, которые являются однородными, то есть логически ведут себя одинаково. А поскольку в разных слоях действуют разные логики, то понятие истины также будет различаться: истинность высказывания о субъективном впечатлении отличается от истинности высказывания о материальном объекте, а последняя, в свою очередь, — от истинности физического закона. Соответственно, различаются и способы верификации таких высказываний, потому что сложный характер отношений между слоями не позволяет свести высказывания одного слоя к высказываниям другого. Все это, по мысли Вайсмана, ведет к новой картине языка, естественным образом разделенного на слои, или уровни [18].

Его концепция языковых слоев, то есть концептуальных областей, каждая из которых обладает собственной внутренней связностью, или логикой, тогда как на границах с другими, смежными областями обнаруживаются лишь слабые, 'критериальные' формы связи, может рассматриваться как значимое развитие витгенштейновского взгляда на язык как на множество бесчисленных и лишь относительно самостоятельных языковых игр [1, р. xiii; 19, р. 7]. Все же это вполне самостоятельная идея Вайсмана, которая, по воспоминаниям его родственников, «приносила удовлетворение ему самому и находила поддержку у коллег и студентов» [20, р. 21]. И именно она легла в основу его теории многоуровневой структуры языка и статей, посвященных ее систематическому изложению начиная с 1940-х гг.

Отдельного внимания заслуживает и манера философского письма Вайсмана, особенно отчетливо проявившаяся в его англоязычных текстах. Она, с одной стороны, создает определенные сложности при переводе, а с другой — впечатляет своей образной насыщенностью, стилистической тонкостью и философской глубиной.

Отличительной чертой его стиля выступает редкое сочетание аналитической ясности и почти литературной выразительности. Даже при обсуждении сугубо философских вопросов Вайсман придерживается свободного, но дисциплинированного рассуждения. Строгость аргументации у него нередко сопровождается яркими метафорами, иронией и легкими отступлениями от темы. В этом он похож скорее на эссеиста или даже писателя модернистской прозы, нежели на академического философа. Он может изящно превратить абстрактное в осязаемое, оживить мысль парадоксами, афоризмами и даже шутками. Например, в одной из статей он пишет: «Язык — это инструмент, который, по мере необходимости, должен гнуться под задачу. Упорствовать в том, чтобы сохранять язык в его существующем виде, — значит приходить к филистерству, которое настаивает на почитании клише и, в конце концов, делает хакари живой мысли» [21, р. 113]. Или же в другой статье: «Трудность философии состоит в том, как сказать не больше того, что действительно знаешь» [22, р. 151]. Он, действительно, может легко перейти от анализа логических связей 'и' и 'или' к живым образам о реках, потоках, языковых ловушках, от строгой критики кантовских категорий к ироничным замечаниям о 'шляпе фокусника, именуемой трансцендентальным аргументом' [12, р. 135]. В этом смысле его ни на кого непохожий стиль можно назвать одновременно аналитическим и поэтическим. Эта двуслойность является как

будто продолжением его идеи 'языковых слоев', где под ясностью, логической и почти дидактической строгостью скрывается более сложный слой — игра ассоциаций, внимание к смысловым оттенкам слов, к так называемой языковой 'ауре': «Слово, — пишет Вайсман, — имеет не только значение, но и нечто иное, трудно поддающееся описанию, — атмосферу, смутный ореол или ауру, сотканную из всех тех бесчисленных тропов и оборотов речи, которым оно может послужить или в которые оно органично вплетается» [22, р. 160].

Однако данная манера письма не может объясняться исключительно индивидуальным предпочтением автора, определенное влияние на нее оказала и внешняя среда. В эмиграции Вайсман постоянно и остро ощущал дискомфорт: его английский всегда казался ему несовершенным, недостаточно 'своим'. По мнению Макгиннеса, «его идиомы и произношение, всегда чуть неточные, сам его английский язык свидетельствовал о его глубоком отчуждении» [2, р. 9]. Или вот что по этому поводу пишет Кунтун:

Временами его произношение было просто не разобрать, но оно всегда было запоминающе своеобразным. Слово *word* у него неизменно превращалось в *vürd*, утверждения о закономерностях природы назывались *kozal loce*. Впечатленный сложностью английских идиоматических выражений, он постоянно носил с собой блокнот, чтобы фиксировать новые примеры их многообразия [1, р. xii].

Аналогичное наблюдение приводит Гэмшир:

Переход от немецкого языка к английскому оказался для него тяжелее и мучительнее, чем для кого-либо из тех, кого я знал в подобных обстоятельствах. Это было связано не только с самим языком, но и с его исключительной чувствительностью к стилю. <...> Его всегда заботило, чтобы каждое слово производило точное, сильное и неожиданное впечатление. С трогательной тщательностью он читал Вирджинию Вульф, изучал эссе Пирсолла Смита об английских словах и искал для своих мыслей форму, которая могла бы им соответствовать, хотя прекрасно понимал, что мысли эти пришли издалека и английскому языку оказались чуждыми [3, р. 316].

Действительно, Вайсман, проявляя, пожалуй, чрезмерно высокую чувствительность к языку, неизменно стремился тщательно выверять лексику и синтаксис и добиваться предельной точности изложения. Это не редко придавало его англоязычным текстам легкий налет искусственной торжественности и даже помпезности (не случайно Макгиннес характеризовал некоторые вайсмановские выражения как «обаятельные идиолексемы» [2, р. 12]). Однако эту особенность следует понимать не только как черту индивидуального стиля. Его временами напыщенный, местами подчеркнuto 'чужой' английский, как и настойчивое стремление овладеть им в совершенстве, может рассматриваться как экзистенциальная метафора эмиграции.

Именно в такой языковой и интеллектуальной перспективе следует читать англоязычные работы Фридриха Вайсмана, написанные в оксфордский период жизни (1940 — 1959), где с различной степенью полноты представлены как основные положения его теории многоуровневых языковых структур, так и характерный для него способ философского рассуждения, в которых аналитическая точность соче-

тается с обостренным вниманием к выразительным возможностям языка.

Примечание

¹ Синонимом выражения *open texture* является выражение *the porosity of concept* — буквальный перевод немецкого *die Porosität der Begriffe*. По-русски его точнее было бы передавать как 'пористость понятия', то есть как его рыхлость или, в более специальном смысле, как семантическая нестабильность, поскольку именно такой перевод в наибольшей степени соответствует содержанию этого термина. Само выражение *open texture*, по словам Вайсмана, было ему предложено Уильямом Нилом [12, р. 121]. Ради сохранения лингвистической преемственности здесь используется калька английского варианта — 'открытая текстура'.

Список источников / References

1. Quinton A. Introduction // Friedrich Waismann: Philosophical Papers / Ed. B. McGuinness. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1976. P. ix–xix.
2. McGuinness B. Waismann: The Wandering Scholar // Friedrich Waismann — Causality and Logical Positivism / Ed. B. McGuinness. Dordrecht: Springer, 2011. P. 9–16.
3. Hampshire S. Friedrich Waismann (1896–1959). *Proceedings of the British Academy*. 1960;46:308–317.
4. Baker G. Preface // The Voices of Wittgenstein: The Vienna Circle. Ludwig Wittgenstein and Friedrich Waismann / Ed. G. Baker. London and New York: Routledge, 2003. P. xvi–xlvi.
5. Waismann F. The Principles of Linguistic Philosophy / Ed. R. Harré. London: Macmillan; New York: St Martin's, 1965. 422 p.
6. Waismann F. Lectures on the Philosophy of Mathematics / Ed. W. Grassl. Amsterdam: Rodopi, 1982. 174 p.
7. Waismann F. Will and Motive // Ethics and the Will: Essays / Eds. B. McGuinness, J. Schulte. Dordrecht: Springer, 1994. P. 53–137.
8. Waismann F. The Decline and Fall of Causality // Friedrich Waismann — Causality and Logical Positivism / Ed. B. McGuinness. Dordrecht: Springer, 2011. P. 53–90.
9. Waismann F. Causality // Friedrich Waismann — Causality and Logical Positivism / Ed. B. McGuinness. Dordrecht: Springer, 2011. P. 91–184.
10. Waismann F. How I See Philosophy / Ed. R. Harré. London: Palgrave Macmillan, 1968. 260 p.
11. Waismann F. Philosophical Papers / Ed. B. McGuinness. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1976. 190 p.
12. Waismann F. Symposium: Verifiability. *Aristotelian Society Supplementary Volume*. 1945;19(1):119–150. <https://doi.org/10.1093/aristoteliansupp/19.1.101>.
13. Оглезнев В. В. «Открытая текстура» эмпирических понятий и лингвистический антиредукционизм Фридриха Вайсмана // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 3. С. 113–125. <https://doi.org/10.5840/eps201956353>. EDN: SFPLEO.
14. Rosch E. Natural Categories. *Cognitive Psychology*. 1973;4(3):328–350. [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(73\)90017-0](https://doi.org/10.1016/0010-0285(73)90017-0).
15. Оглезнев В. В. «Открытая текстура» правовых понятий и теория семантических прототипов // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 94–98. <https://doi.org/10.17223/15617793/452/11>. EDN: WXCZTB.
16. Оглезнев В. В. The "Open Texture" of Legal Concepts and the Semantic Prototype Theory. *Tomsk State University Journal*.

2020;452:94–98. <https://doi.org/10.17223/15617793/452/11>. EDN: WXCZTB. (In Russ.).

16. Вайсман Ф. Многоуровневая структура языка / пер. с англ. В. В. Оглезнева, В. А. Суровцева // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 4. С. 219–230. <https://doi.org/10.5840/eps201855478>. EDN: YVKCVF.

Waismann F. The Many-Level-Structure of Language / trans. from Engl. V. V. Ogveznev, V. A. Surovtsev. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2018;55(4):219–230. <https://doi.org/10.5840/eps201855478>. EDN: YVKCVF. (In Russ.).

17. Waismann F. Language Strata // How I See Philosophy / Ed. R. Harré. London: Palgrave Macmillan, 1968. P. 102–121.

18. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Фридрих Вайсман о многоуровневой структуре языка и проблемах редукционизма // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 4. С. 206–218. <https://doi.org/10.5840/eps201855477>. EDN: YVKCUX.

Ogveznev V. V., Surovtsev V. A. Friedrich Waismann on the Many-Level-Structure of Language and Problems of Reductionism. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2018;55(4):206–218. <https://doi.org/10.5840/eps201855477>. EDN: YVKCUX. (In Russ.).

19. Makovec D. Waismann's Rocky Strata // Friedrich Waismann: The Open Texture of Analytic Philosophy / Eds. D. Makovec, S. Shapiro. London: Palgrave Macmillan, 2019. P. 1–25.

20. Lieberman M., Lieberman H. Tributes to and Impressions of Friedrich Waismann // Friedrich Waismann — Causality and Logical Positivism / Ed. B. McGuinness. Dordrecht: Springer, 2011. P. 19–23.

21. Waismann F. The Resources of Language // The Importance of Language / Ed. M. Black. Ithaca, London: Cornell University Press, 1962. P. 107–120.

22. Waismann F. The Linguistic Technique // Philosophical Papers / Ed. B. McGuinness. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1976. P. 150–165. https://doi.org/10.1007/978-94-010-1144-0_12.

Информация об авторе:

ОГЛЕЗНЕВ Виталий Васильевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск; ведущий научный сотрудник Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск.
SPIN-код: 3701-0936
AuthorID (РИНЦ): 539601
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0287-6543>
AuthorID (SCOPUS): 56307954100
ResearcherID: X-2616-2019
e-mail: ogleznev82@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 09.04.2026; одобрена после рецензирования 02.05.2026; принята к публикации 07.05.2026.

Information about the author:

OGLEZNEV Vitaly Vasilyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the History of Philosophy and Logic Department, National Research Tomsk State

University, Tomsk; Leading Researcher, Gorno-Altai State University, Gorno-Altai.
SPIN-code: 3701-0936
AuthorID (RSCI): 539601
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0287-6543>
AuthorID (SCOPUS): 56307954100
ResearcherID: X-2616-2019
e-mail: ogleznev82@mail.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The article was submitted 09.04.2026; approved after reviewing 02.05.2026; accepted for publication 07.05.2026.